

О ПРАВОСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Вопрос о субъектах права имеет важное концептуальное значение в любой сфере правового регулирования. Международное частное право не является исключением. В условиях развития и углубления международного сотрудничества, стремительного роста миграционных потоков одной из основных задач международного частного права является регулирование общественных отношений с участием физических лиц, имеющих различное гражданство или проживающих на территории различных государств.

Для международного частного права характерна дифференциация физических лиц на четыре категории: отечественные (собственные) граждане данного государства; иностранные граждане; лица без гражданства; беженцы. В отношении каждой категории лиц установлен определенный правовой режим посредством комплекса разноотраслевых норм. По своему содержанию правовое регулирование, к примеру, административно-правового характера или уголовно-правового не охватывается международным частным правом. Однако некоторые такие положения имеют существенное значение для определения имущественных, семейных, трудовых и иных прав иностранных граждан или беженцев.

Нормы международного частного права не предназначены для всестороннего регулирования общественных отношений с участием иностранных физических лиц, лиц без гражданства, беженцев. Эти нормы определяют общие принципы правового регулирования гражданской правосубъектности данных категорий лиц. К международному частному праву относятся «только нормы, определяющие содержание гражданской (в широком смысле) право- и дееспособности иностранцев, имущественного, семейного,

трудового, авторского, изобретательского, права иностранцев, а также коллизионные нормы, определяющие применение права по вопросам начала и окончания правоспособности и дееспособности»¹. При этом следует учитывать, что категории гражданской правоспособности и дееспособности физических лиц различаются не во всех правовых системах, в большинстве стран, включая Российскую Федерацию, гражданскую правоспособность определяют как способность иметь гражданские права и нести обязанности.

В международном частном праве вырабатываются критерии определения нормативного регулирования правоспособности физических лиц, однако вопрос о сущности правоспособности в частном праве остается дискуссионным.

Раскрывая сущность правоспособности, правоведы определяют ее как свойство, качество, способность, возможность, право и т. п.

Взгляд на правоспособность как на качество или свойство субъекта права предопределен в известной степени стремлением разграничить правоспособность и субъективное право. Так, Р. О. Халфина пишет, что применение одного и того же термина — «права» для обозначения элементов правового статуса, а именно потенциальных возможностей, и для обозначения элементов структуры правоотношения — в немалой степени затрудняет четкое разграничение возможности и действительности, абстрактной модели и ее реализации².

Однако много сторонников нашла позиция, исходя из которой суть правоспособности есть право. Это М. М. Агарков, С. Н. Братусь, С. С. Алексеев, В. П. Грибанов, А. В. Мицкевич. Правоспособность как право воспринималась и дореволюционными русскими учеными³.

Частному праву известна также концепция, согласно которой правоспособность — это стадия существования субъективного права в потенции, или потенциальное состояние субъективного права⁴.

Раскрывая существо рассматриваемой категории, О. А. Красавчиков подчеркивал, что суть правоспособности не право, а именно социально-правовая способность лица⁵. Против определения правоспособности и как права, и как способности вы-ступает Н. Г. Юркевич. Он считает, что правоспособность должна быть определена именно как юридическая возможность, т. е. предусмотренная нормами права возможность⁶.

Однако следует согласиться с выводом С. С. Алексеева, что «именно свойство возможности и лежит в основе содержания субъективных прав. Оно и есть то главное звено, которое дает ключ к раскрытию понятия юридических прав. Субъективное право есть гарантированная правовая возможность, которая, будучи обеспечена необходимыми средствами, в любое время может быть реализована. Таким образом, расшифровка категорий «способность», «свойство» приводит к неизбежному выводу, что правоспособность представляет собой специфическое, субъективное право»⁷. Примерно к такому же выводу приходит В. В. Ровный, указывая, что «правоспособность... является неотъемлемым качеством любого субъекта права и тем самым юридическим свойством, которое позволяет говорить о нем как о наиболее раннем по времени возникновения и фундаментальном по характеру особом субъективном праве»⁸.

Правоспособность — это право, предоставляющее субъекту возможность иметь любые не запрещенные законом права и нести обязанности. По своей социально-юридической природе гражданская правоспособность представляет собой вполне реальное и конкретное право, суть которого — возможность определенного поведения управомоченного лица.

Как право, принадлежащее каждому конкретному гражданину, правоспособность не может существовать вне

правоотношения. С момента рождения гражданина возникают правоотношения между ним как обладателем правоспособности и всеми остальными лицами. Гражданскому праву известен широкий круг абсолютных субъективных прав, которым противостоит установленная законом всеобщая пассивная обязанность неопределенного круга лиц. Право одного субъекта предполагает обязанность другого (других) субъекта, имеется управомоченное лицо — есть непременно и обязанное.

Предусмотренная законодательством, в частности ст. 22 ГК РФ, защита правоспособности может быть направлена только на действительное право. «Обоснование необходимости защиты правоспособности следует усматривать в том, что она представляет собой определенное самостоятельное право, которым обладает каждый гражданин. Лишь предполагая, что предоставление гражданам такого права, как правоспособность, означает правовое регулирование общественных отношений, можно обосновать вывод о том, что она может быть нарушена и нуждается в защите»⁹.

По сравнению с другими субъективными правами правоспособность является правовой возможностью более общего характера. При этом термином «субъективное» показывают, что право принадлежит конкретному субъекту определенного правоотношения. Правоспособность является необходимой предпосылкой и выражается в субъективных правах. Элемент правоспособности и конкретное субъективное право по своему содержанию соотносятся как общее и отдельное, как сущность и явление. Соотношение между гражданской правоспособностью и другими субъективными правами состоит в том, что правоспособность — это право, порождающее в процессе своей реализации индивидуально определенные субъективные гражданские права. При осуществлении субъективных прав элементы правоспособности, на основе которых они возникли, не исчезают, не исчерпываются, в то время как реализация субъективных прав всегда со-

проводится их модификацией. Между правоспособностью и иными субъективными правами существуют и различия, и тесная связь. При этом указанные различия не устраняют того факта, что правоспособность и субъективные права, возникающие на ее основе, — однопорядковые категории, это права, принадлежащие гражданину и определяющие его правовое положение.

Исходя из единства частного права точно такое же понимание сущности правоспособности и в международном частном праве. Это подтверждает установление в нормах международного частного права национального режима в отношении правоспособности иностранных граждан, т. е. предоставление последним такого же объема прав, которым пользуются отечественные граждане. В соответствии со ст. 1196 ГК РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами. Очевидно, что речь идет о пользовании правом, реальным правом, но никак не свойством, не социально-правовой способностью, не потенциальным состоянием субъективного права.

Гражданская правоспособность физического лица определяется его личным законом. Согласно п. 1 ст. 1195 ГК РФ личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет. Аналогично личный закон физического лица устанавливается, к примеру, в Венгрии (§ 10 гл. II Указа 1979 г. № 13 о международном частном праве)¹⁰, в Германии (ст. 7 разд. II гл. II ч. I Вводного закона 1896 г. к Гражданскому уложению), в Греции (ст. 5 гл. II кн. I Гражданского кодекса 1940 г.). Таким образом, в современном международном частном праве «гражданство» часто выступает критерием выбора личного закона физического лица. «Гражданство» имеет важное значение для установления применимого права, в особенности для определения правоспособности лица. Значимость критерия гражданства для определения правоспособности отчетливо прослеживалась

еще в римском праве. Полная правоспособность лица была обусловлена тройким состоянием: состоянием свободы; состоянием гражданства, а именно принадлежностью к числу римских граждан, а не чужеземцев; таким семейным состоянием, в силу которого данное лицо не подчинялось власти домовладыки. Изменение одного из этих состояний влекло за собой прекращение либо изменение объема или содержания правоспособности¹¹.

Значимая роль критерия гражданства (*lex patriae*) послужила причиной включения в ряде государств в международное частное право «права гражданства», под которым понимается комплекс норм, регулирующих вопросы гражданства. Однако следует учитывать, что гражданство — это устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Каждое государство на основе своего национального (внутреннего) законодательства определяет, обладает ли то или иное лицо гражданством данного государства. Так, согласно ст. 5 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» 2002 г. гражданами Российской Федерации являются:

- лица, имеющие гражданство Российской Федерации на 1 июля 2002 г.;
- лица, которые приобрели гражданство РФ в соответствии с требованиями настоящего закона.

Лицо не может приобрести или утратить гражданство без согласия государства. Определение гражданства относится к юрисдикции каждого государства. При этом отношения государства и гражданина никоим образом не являются частноправовыми и не могут быть отнесены к области частного права. В сфере частноправовых отношений гражданство субъекта имущественных и иных отношений, отличающихся иностранной характеристикой, в ряде случаев выступает существенным коллизионным принципом. Однако это не является основанием для включения института гражданства в состав международного частного права. Институт гражданства носит комплексный характер и относится, в частности, и к

государственному, и к международному праву.

Наряду с критерием гражданства для установления личного закона физического лица широко применяется критерий места жительства лица (*lex domicilii*). В ряде государств (Бразилия, Канада (Квебек), Латвия и др.) критерий места жительства является определяющим в установлении личного закона и, соответственно, правоспособности физического лица. В большинстве же государств принцип домицилия имеет субсидиарное значение и применяется в случаях, когда речь идет о лицах без гражданства либо лицах, имеющих несколько гражданств. Так, согласно п. 4 ст. 1195 ГК РФ при наличии у лица нескольких иностранных гражданств личным законом считается право страны, в которой это лицо имеет место жительства, а в соответствии с п. 5 этой же статьи данная привязка используется для установления компетентного правопорядка в отношении лиц без гражданства. Аналогичные коллизионные нормы для определения правового положения лиц без гражданства содержатся в законодательстве Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Португалии, Турции и многих других стран.

Применение критерия места жительства зачастую способствует выбору правопорядка того государства, с которым у лица реально сложилась наиболее устойчивая тесная связь. В условиях роста миграции населения принцип гражданства лица не всегда обеспечивает применение той правовой системы, которая имеет наиболее тесную связь с правоотношением. Указывая на сохранение принципа гражданства в качестве основного, следует отметить значительную роль критерия места жительства лица как в российском коллизионном законодательстве, так и законодательстве ряда европейских стран.

В современном международном частном праве принцип гражданства (*lex patriae*) и принцип места жительства (*lex domicilii*) далеко не исчерпывают критерии выбора компетентного правопорядка для отношений с участием физических лиц. Так, в соответствии со ст. 3519 Гражданского кодекса Луизианы (США)

1825 г. (в ред. закона 1991 г. № 923) статус физического лица и связанные с ним особенности, а также последствия этого статуса регулируются правом штата, устремлениям которого был бы нанесен наиболее серьезный ущерб, если бы его право не было применено к конкретному вопросу. Таким образом, выбор права основан на оценке заинтересованности государства либо штата в применении своего правопорядка.

Заинтересованность государств в применении своего национального права отчетливо проявляется в односторонних коллизионных нормах, устанавливающих отечественный правопорядок для лиц, имеющих несколько гражданств. В соответствии с п. 2 ст. 1195 ГК РФ если лицо наряду с российским гражданством имеет и иностранное гражданство, его личным законом является российское право. Согласно ФЗ о международном частном праве Австрии 1978 г. если наряду с иностранной государственной принадлежностью лицо имеет также австрийское гражданство, то последнее является определяющим. В Указе 1979 г. № 13 о международном частном праве Венгрии если какое-либо лицо имеет гражданство нескольких государств и одно из них — венгерское, его личным законом является венгерское право. Перечень примеров можно продолжить. Они свидетельствуют, что далеко не во всех случаях коллизионная норма способна обеспечить преодоление коллизий материального права. По общему правилу конфликт законов может быть устранен путем применения коллизионной нормы. Однако включение в законодательство императивных односторонних коллизионных норм отражает интересы государства в применении своего национального права, но затрудняет определение правопорядка, с которым физическое лицо наиболее тесно связано.

Вместе с тем в законодательстве ряда государств при установлении личного закона физических лиц (лиц без гражданства и лиц, имеющих несколько гражданств, когда критерий гражданства не устраняет конфликт законов) закреплены гибкие, альтернативные коллизионные привязки.

К примеру, в Германии, Польше, Китае за основу принят коллизионный критерий наиболее тесной связи лица с тем или иным правом порядком. В Египте личный закон лиц без гражданства и лиц, имеющих несколько гражданств, определяется судьей.

«Яркой чертой, часто закрепляемой в современных кодификациях, — пишут А. Н. Жильцов и А. И. Муранов, — является использование принципа *lex beniqnitatis*: при решении вопроса о применимом праве судья должен руководствоваться тем, которое является более благоприятным для статуса лица, действительности правоотношения, тогда как ранее при решении этого вопроса оценка содержания применимого закона с этой точки зрения не производилась. В итоге в зависимости от обстоятельств может применяться либо иностранный закон, либо *lex fori*»¹².

Следовательно, коллизионные нормы не являются застывшими формулами. При всех противоречиях коллизионных привязок они развиваются в соответствии с принципами частного права и призваны обеспечить интересы личности путем выбора такого правом порядком, с которым физическое лицо связано наиболее тесным образом и на основе которого в более полной мере возможно осуществление и защита субъективных прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Международное частное право: современные проблемы. М., 1994. С. 121.

² Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 127.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. СПб, 1909. С. 76.

⁴ Ямпольская Ц. А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государства и права. М., 1959. С. 161.

⁵ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Свердловск, 1978. С. 10.

⁶ Юркевич Н. Г. Правосубъектность гражданина СССР по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1954. С. 18.

⁷ Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. Вып. 2. С. 74.

⁸ Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. С. 130.

⁹ Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 26.

¹⁰ Международное частное право: Иностранное законодательство / Науч. ред. А. Н. Жильцова, А. И. Муранова. М., 2000.

¹¹ Литература по этому вопросу многочисленна. Напр.: Римское частное право: Учеб. / Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 2001. С. 90. Дождев Д. В. Римское частное право. Учеб. для вузов / Под ред. В. С. Нерселянца. М. 1997. С. 248–252; Чезаре С. Курс римского частного права: Учеб. / Под ред. Д. В. Дождева. М., 2000. С. 123–126.

¹² Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право: Иностранное законодательство. С. 37.

Н. М. РЯБЦОВСКАЯ

кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ

В соответствии с законом «Об исполнительном производстве» (ст. 3) принудительное исполнение судебных решений и иных актов возлагается на службу судебных приставов, которая в настоящее время получила статус федерального органа

исполнительной власти и вошла в систему Министерства юстиции Российской Федерации.

Служба судебных приставов — качественно новое звено исполнительной власти со статусом правоохранительного органа,